
DOI: 10.22455/2500-4247-2016-1-3-4-325-339

УДК 82/820

ББК 82.3(2Рос=Рус)

ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ ИЛЬИН И ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ В ПОИСКАХ ФОЛЬКЛОРНОГО ИМПЕРАТИВА

© 2016 г. А. Л. Налепин

Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук, Москва, Россия

Дата поступления статьи: 29 августа 2016 г.

Аннотация: Статья продолжает исследовательскую тему «Русская философская мысль Серебряного века и фольклор» и предлагает философское осмысление русской фольклорной культуры как живой традиции, во многом определяющей пути развития русской цивилизации и смыслы национальной ментальности. Важную роль в этом играет фольклор и, конечно же, фольклористика филологическая, как и фольклористика философская, изучающая мировоззренческие доминанты и концепты народно-поэтического творчества. Исследование, основанное на конкретном анализе философского наследия такого крупного мыслителя русской эмиграции, как И. А. Ильин, попыталось найти и определить гармонический синтез между философией и фольклором, что, несомненно, обогатит как русскую философскую мысль, так и отечественное литературоведение, в том числе и русскую фольклористику.

Ключевые слова: русский фольклор, этнология, фольклористика, волшебная сказка, Серебряный век,; Розанов, Ильин, русская философия в эмиграции.

Сведения об авторе: Алексей Леонидович Налепин — доктор филологических наук, Лауреат Государственной премии России, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 Москва, Россия. E-mail: a_nalepin@mail.ru

IN SEARCH OF FOLKLORE IMPERATIVE: IVAN A. IL'YIN AND PHILOSOPHICAL THOUGHT OF THE RUSSIAN IMMIGRATION CIRCLE

Alex L. Nalepin

A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Received: August 29, 2016

Abstract: This article is part of the larger research project “Philosophical Thought of the Russian ‘Silver Age’ and Folklore.” Its aim is philosophical reflection of the Russian folk culture considering it as living tradition that largely determines the development of Russian civilization and the meanings of national mentality. Philological and philosophical branches of folklore studies are particularly important for the ongoing research of folklore and its role in national culture; philosophical folklore studies, for example, are concerned with ideological concepts and dominants of folk poetry. This article examines the choice of folklore vector in the work of Ivan Il'yin, a philosopher of Russian post-revolutionary Immigration diaspora in Europe. It for the first time introduces and motivates a concept of folklore imperative that dominated the late phase of Il'yin's philosophical thought. Also, it introduces new materials that shed light on the study of this choice that was very important for Russian philosophy, literature, and culture as it was for Russian folklore studies.

Keywords: Russian folklore, ethnology, folklore studies, fairy tale, Silver Age, Rosanov, Il'yin, Russian philosophy in immigration.

Information about the author: Alex L. Nalepin, DSc in Philology, Leading Research Fellow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. E-mail: a_nalepin@mail.ru

После окончания Гражданской войны в России стало очевидно, что культурный ландшафт страны изменился кардинальным образом. Эта была совсем иная страна, в которой протекали новые, незнакомые социально-культурные процессы. Ушедшая в вынужденную или же в добровольную эмиграцию часть русской интеллигенции, категорически не принимая Россию Советскую с ее новыми культурными задачами и идеалами, как могла, пыталась излечиться от нанесенной стране страшной культурной травмы.

Рубеж XIX–XX столетий интеллектуальной элитой России всё более явственно стал ощущаться как время неизбежного перехода от одной системы художественных ценностей к другой. По авторитетному мнению современных исследователей, именно в такие кризисные эпохи подобная смена художественных вех «или может представлять резким разрывом между системами ценностей, или же соответствовать преемственности, когда разрыв нейтрализуется сохранением существующих ценностей и их полным или частичным включением в новую систему ценностей» [9, с. 364].

Между тем прозорливый В. В. Розанов незадолго до своей кончины мудро рассуждал о том, как во времена революционных перемен философия фольклора вбирает в себя всю гамму противоречивых чувств — от мрачного пессимизма до предчувствия обновленной гармонии и ожидания некоего нового духовного синтеза. Так, 20 апреля 1917 г. в статье «Что такое народ теперь?», напечатанной в газете «Новое время», Розанов неожиданно для всех произнес: «Суть в душе, в сердце народном. И вот почему нам революции — в смысле духовном и идеальных ценностей — совершенно нечего бояться. <...> Ну и еще

налетит шквал. Еще встряхнет — ничего. Ничего и ничего. В марте (не скрою) я сам был болен. Аки в гробу. Да еще лицом книзу: не хочу смотреть и видеть. Где же Русь, которую я любил. Тут все марксисты. Только из гроба щелочка, и стал я в щелочку поглядывать: какие такие люди, и какой у них шаг. И какие лица. По всему надо измерять человека, везде видеть рост его, в вершок или сажень. И увидел я: люди хорошие, бравые; лица смелые, открытые, не затаенные, не подлые. Стало сердце отлегать: как будто не очень скверно, как будто даже хорошо. Вылезаю из гроба, смотрю: все же живая Русь. Только будто помолодела и приосанилась. И подумал я: сплетется этот марксизм со старыми песенками, со старыми сказочками. Сплетется он с “Голубиной книгой”, — ну и еще поглядим, что и как выживет и кто кого переживет. Меньше тревоги, не надо тревоги. Наша башка да рабочие руки — порукой за историю и бесконечность в будущем. Ничего не остановится. Будем спорить» [8, с. 356].

В этих размышлениях-рефлексиях Розанова обращает на себя внимание не только философское своеобразие его парадоксального мироощущения, но и провозглашение принципов фольклорного императива, основанного на неиссякаемом фольклорном оптимизме русского человека.

Фольклорное наследие, являясь культурно-интегрирующим феноменом, объединяющим русский народ в единое целое, в равной мере определял и его ментальность. В разные периоды отечественной истории, особенно в периоды глубокого и всеобъемлющего кризиса духовной сферы, когда происходила переоценка базовых социально-культурных ценностей и русское общество переживало культурную травму, когда ломались и вытеснялись традиционные духовные и культурные ценности, именно фольклор сохранял хотя бы иллюзию духовной перспективы модернизированного общества.

Для большинства наших соотечественников-эмигрантов именно народная культура в целом и русский фольклор в частности стали той духовной доминантой и эстетической скрепой, которая позволяла сохранять пусть даже иллюзорную связь с покинутой Родиной. Для многих писателей Русского Зарубежья, как, например, И. А. Бунин, А. М. Ремизов и И. С. Шмелев, фольклорная рефлексия оказалась в творческом плане чрезвычайно плодотворной. Во всяком случае появление великой книги «Лето Господне» Ивана Сергеевича Шмелева во многих отношениях было предопределено фольклорными воспоминаниями-рефлексиями ее автора.

Русская философская мысль за рубежом также не осталась в стороне от этого процесса, в который были вовлечены крупные мыслители, не проявлявшие до этого вообще какого-либо заметного интеллектуального интереса к феномену фольклора. Показательна в

этом отношении научная деятельность эмиграции И. А. Ильина, для которого русский фольклор стал одним из важных доминант в его исследованиях русской литературы и культуры.

Иван Александрович Ильин (1882–1954) окончил юридический факультет Московского университета по специальности истории права и энциклопедии права. В 1910 г. находился в научной командировке в Германии и Франции, занимаясь изучением новейших течений европейской философии. В 1918 г. защитил диссертацию на тему «Философия Гегеля как учение конкретности Бога и человека» и стал профессором правоведения. Одним из его официальных оппонентов был Е. Н. Трубецкой. В 1922 г. за антикоммунистическую деятельность был выслан из Советской России вместе с другими учеными. Работал профессором в Русском Научном Институте в Берлине. После 1930 г. финансирование Русского Научного Института германским правительством практически прекратилось, и Ильин зарабатывал, выступая на антикоммунистических митингах и публикуясь в кругах так называемого «политического протестантизма». С 1920-х гг. Ильин стал одним из главных идеологов русского Белого движения в эмиграции, был редактором и издателем журнала «Русский колокол». В 1934 г. был уволен с работы и преследовался гестапо. В 1938 г. эмигрировал из Германии в Швейцарию, где в пригороде Цюриха продолжил научную деятельность до конца своих дней. Здесь были написаны книги «Поющее сердце. Книга тихих созерцаний», «Путь к очевидности» и «Аксиомы религиозного опыта». И. С. Шмелев назвал профессора И. А. Ильина «совестью русской интеллигенции» [10, с. 154].

И. А. Ильин рос в атмосфере любви к русскому фольклору. Прежде всего, к традиционным жанрам русского фольклора — сказкам, былинам, преданиям и песням. Он вспоминал: «Сказка будит и пленяет мечту. Она дает ребенку первое чувство героического — чувство испытания, опасности, призвания, усилия и победы; она учит его мужеству и верности; она учит его созерцать человеческую судьбу, сложность мира, отличие “правды и кривды”. Она заселяет его душу национальным мифом, тем хором образов, в которых народ созерцает себя и свою судьбу, исторически глядя в прошлое и пророчески глядя в будущее. <...> Национальное воспитание неполно без национальной сказки. Ребенок, никогда не мечтавший в сказках своего народа, легко отрывается от него и незаметно вступает на путь интернационализации. Приобщение к чужеземным сказкам вместо родных будет иметь те же самые последствия» [4, с. 204–205].

Оправляясь навсегда в вынужденное изгнание, Ильин именно в сказках черпал силу духа, которая помогла ему выстоять. Обращаясь к книжному шкафу, Ильин писал: «Прощай, старый друг! Мы долж-

ны расстаться. Я отправляюсь в дальний путь, а ты не можешь последовать за мной. Забуду ли я тебя? Никогда! Это означало бы забыть самого себя: ведь моя жизнь всегда была связана с тобой. Там, внизу, стояли сказки Андерсена и братьев Grimm, которые читала нам бабушка. С тех пор я — “стойкий оловянный солдатик” и сохраняю “невозмутимое выражение лица» [4, с. 110]. С тех пор этот сказочный образ «стойкого оловянного солдатика» стал олицетворять духовный и нравственный облик Ильина и его твердую гражданскую позицию. В 1938 г. Ильин так сформулировал свое жизненное кредо стойкого оловянного солдатика: «...никогда не руководствовался в своей научной, общественной и политической деятельности чуждыми мне директивами; всегда поступал согласно собственным религиозным и философским убеждениям. В поступках своих и убеждениях я был ответственен только перед Богом, перед своею совестью, своим народом и Отечеством — более ни перед чем» [4, с. 464].

Среди великого множества работ Ильина рассмотрим работы, где автор так или иначе интерпретировал фольклорное наследие русского народа. Это статья 1934 г. «Духовный смысл сказки» и статья 1942 г. «Русская душа в своих сказках и легендах». В этих работах Ильин рассматривал русскую народную сказку как исследователь гуманитарного профиля, который оказался способен выверить с помощью любительского фольклористического анализа истинность своих философских умозрительных догадок и умопостроений.

Ильин исходил из того, что сказки являются наследием дохристианской культуры русского народа, другими словами, «первой, дорелигиозной философией народа». При этом Ильин дает свое философское определение сказки: «Как и у других народов (у русского, возможно, ярче), сказка это объективированное созерцание сердца народного, символ его страданий и грез, иероглифы его души» [4, с. 32].

Смысл русской народной сказки, по Ильину, заключается в следующем: «Какая бы тень ни набежала на вашу жизнь: посетит ли вас тревога о судьбе России, придут ли к вам “мысли черные” о вашей личной судьбе или просто жизнь покажется “несносной раной”, вспомните о русской сказке и прислушайтесь к ее тихому, древнему, мудрому голосу» [4, с. 259].

Он считал, что русские сказки имеют свои исторические корни, связанные с тысячелетним национальным духовным опытом, который скрыт в текстах русских народных сказок. Ильин полагал, что сказки являются наследием дохристианской культуры. «Пусть история нашего народа насчитывает всего одну тысячу лет, но возраст народа не определяется памятью его истории. Ведь это тысячу лет тому назад наш народ опомнился и начал кое-как помнить себя — опомнился, приняв христианство и удержав в своей памяти кое-что

дохристианское. Но это дохристианское прошлое его, утраченное его памятью, не утратилось в его опыте и в его духе. Все прежнее свое, забытое в виде достоверных событий, незапомнившееся и забвенное он взял с собою и перенес в свою сознательную историю. Это не летопись, не былина и не бывальщина, не житие и не легенда — это сказка. Так это не было; этого всего сроду не бывало. Никогда и нигде не были и не жили эти царевичи и богатыри, эти серые волки и кашеи, эти Иваны-Дураки и кони говорящие, эти Бабы-Яги и Змеи Горынычи. Всего этого не было. И тому, кто присягнул исторической науке, а с наукой духовного опыта порвал, кто поклоняется доказанному факту и научился созерцать показанное обстояние, кто хочет видеть земным, телесным глазом и потому выколол себе духовное око, кто от чрезмерной “умности” заморил в себе “вещую простоту” и “заумную глубину”, довел свою рассудочную трезвость до того, что утратил способность хмелеть вместе со своим народом на пиру всепреображающего воображения, тому пусть будет народная сказка мертва и пусть она кажется ему глупой...» [4, с. 260–261].

Ильин в работах о русской сказке призывал духовно-нравственно прозреть, вернуться к утраченной науке духовного опыта. Русская народная сказка есть первая, дорегионозная философия народа. Ильин призывал сосредоточить внимание на философии сказки, на содержащихся в ней размышлениях о добре и зле, на национальной философии, своеобразно изложенной в поэтических мифологических образах русской сказки. Ильин справедливо считал, что каждый народ отвечает на эти фундаментальные философские вопросы самостоятельно, в «бессознательной национально-духовной лаборатории» [4, с. 271].

Ильин сформулировал тезис о том, что сказки народов отнюдь не повторяют друг друга. Сходны лишь образные темы, и то лишь отчасти; но не сходны ни вопросы, ни ответы сказок. Ильин при этом делает вывод, «что каждый народ по-своему томится в земной жизни, накапливает свой особый и дорегионозный, и религиозный опыт, слагает свою особую духовную проблематику и философию, вынашивает свое мирозерцание. И того, кто стучится у дверей, сказка уводит именно к истокам национального духовного опыта, русского человека по-русски укрепляя, по-русски утешая, по-русски умудряя» [3, с. 272]. Ильин продолжал далее: «Подумайте только, сколько поколений наших неведомых и ныне забвенных предков жило и томилось, вздыхало и плакало, пело и мечтало, вопрошало и боролось до нас, до нашей памяти, ставя все те же младенчески-философские вопросы и слагая сказочно-философские ответы на них... Сколько бед и опасностей, сколько бурь и войн пережито и осмыслено в сказках» [4, с. 272].

Размышления над проблемой философии сказки позволили ученому сделать выводы о том, что в сказках «русский народ пытался распутать и развязать узлы своего национального характера, высказать свое национальное мироощущение, наставить своих детей в первобытной, но глубокой жизненной мудрости, разрешая лежавшие на его сердце жизненные, нравственные, семейные, бытовые и государственные вопросы. И сказки русские просты и глубоки, как сама русская душа. Они всегда юны и наивны, как дитя; и всегда древни и мудры, как прабабушка; как спрашивающее дитя и как отвечающая старушка: — оба созерцающие младенцы» [4, с. 272].

Таким образом, Ильин выделял важную мировоззренческую роль русской народной сказки: «Сказка это ответ все испытавшей древности на вопросы вступающей в мир детской души. Здесь русская древность помазует русское младенчество на неиспытанную еще трудную жизнь, созерцая из древнего национального лона всегда новые трудности спрашивать, и выслушивать голос нашей сказки» [4, с. 272].

Утверждая, что «сказка есть обломок народного и всенародного искусства», Ильин видел в сказке, в первую очередь, Искусство, но очень своеобразное, существующее как бы в двух ипостасях одновременно: «Сказка есть искусство, ибо она укрывает и являет за словами целый мир образов, а за образами, а за образами она понимает художественно и символически глубокие духовные обстоятельства. И в то же время сказка, ибо живет она, передаваясь из уст в уста, и не имеет единого, законченного состава ни в словах, ни в образах, то и дело готовая распасться на различные “варианты” и видоизменения, художественно неравноценные, и закончиться новой, неожиданною развязкою, не всегда сводящую “концы с концами” » [4, с. 262].

Ильин впервые в философском и психологическом ключе переосмыслил проблему поливариативности сказочного текста, выделяя при этом «внешние одежды» его слова и внутренний сказочный мир образов, являющий собою незаконченное коллективное творчество, в основе своей подвижное, изменчивое, незавершенное, во множестве вариантов и видоизменений. Ильин подчеркивал, что «всяк волен рассказывать сказку по-своему, как ему лучше покажется, и уговор лучше денег: “врать не мешай”. Поэтому сказка есть как бы всенародная тема для личного сновидения; и тема как будто говорит каждому человеку: “Вот она я возьми меня, если хочешь, и присни себе меня по-своему...” И в этом сказка подобна и мифу, и песне, и узору для вышивания или для украшения избы и дворца <...> Вот психологическое место сказки: это искусство, сродное мифу, песне и узору; творчески рождающейся в той глубине, где живут у человека сновидения, предчувствия и прозрения. Вот почему рождение сказки есть сразу художественное и магическое» [4, с. 263].

И. А. Ильин констатирует, что на сказках лежит печать народа, времени и той среды, в которой они длительное время жили — как нередко говорят, «бытовали». Он обращает внимание на то, что у сказки своя необходимость душевно-духовного сокровенного свойства. Эта необходимость проистекает из потребностей национальной души и народного духа. Это необходимость национального простора, природы, национальной судьбы, национального характера и национальной борьбы. Эта необходимость у всякого народа своя: ведь у него свой особый характер, свои герои, свои слабости, свои пути. Даже созерцание пространства в народных сказках очень различно: русские сказки почти всегда имеют дело с необъятными просторами; герои их не ютятся в тесных городах, не корпят в тесных мастерских. Они отправляются через тридевятое царство в тридесятое государство, переплывают моря, попадают в подземное царство, летят по воздуху. Ученый считает, что по восприятию пространства только арабские сказки можно сравнить с русскими.

Ильин полагал, что в сказках русского народа, которому пришлось преодолевать суровость природы и жестокость климата и на протяжении тысячелетия с оружием в руках отбиваться от всевозможных соседей, безусловно, находит свое выражение его судьба. Вот почему в них столько говорится об опасностях, угрозах, о всяких отвратных чудовищах, о старых ведьмах-людоедках, драконах, о могучих идолах-страшилищах и другом. Мыслитель отмечал, что «герой сказок чаще всего Иван-Царевич или Иван-Коровий сын; в сказках описываются страдания, борьба, геройские подвиги, то есть в их истории в сжатом виде дается история русского народа все включено в нее, все получает определенное звучание: жалобы русских на свою тяжкую долю, воспоминания о героях, совершающих чудеса храбрости; собственное подкрепление в духе, мужестве и силе, обращение к грядущим поколениям, предсказание будущего» [4, с. 37]. Ильин пришел к выводу о том, что «отсюда освобождение и пленение души благодаря русской сказке ведь она приносит одновременно упоение и мудрость, страх и утешение, напряженность и облегчение, хаос и стройность, меткость слова и силу внушения (все, по чему постоянно тоскует пылкий темперамент русских» [5, с. 36].

По мнению Ильина, «сказка не повинуется законам вещества и тяжести, времени и пространства. Она повинуется законам художественной мечты и законам национально-героического (иногда сословно-героического) эпоса. Она повинуется законам всемогущего волшебства и запросам сверхчеловеческой национальной силы: она слагается по указаниям пророческого сновидения, волевого порыва и созерцающего постижения. Эти законы таинственны; им можно предаваться, но их нелегко формулировать. Власть же их бесконечна и

миропреобразующа. И вот ими-то живет, слагается и дышит сказка» [4, с. 264].

Сказка, считал Ильин, это «художественный слепок с народной души, которая творит себе подобное» [5, с. 38]. Он полагал, что постижение законов сказки поможет раскрыть предельные основания русского национального существования: «Здесь внешнее послушно внутреннему, отсюда все эти летающие ковры-самолеты, шапки-невидимки, волшебные сундуки, магические кольца и перевоплощения. Здесь царит всемогущая сверхприрода, проистекающая из всемогущей художественной фантазии мечтательно-чающей души. Законы этой всемогущей природы научно-психологическим методом исследуют и формулируют то, чего еще не было, ведь сказочный герой весь душой и телом в этих законах сверхприроды, в этой невозможной для бытия и действия среде. Наш мир земной становится куда просторнее, изящнее и глубже; в вещах и в людях просыпаются новые возможности, новые перспективы, новые силы в воздухе, в дальних далях, под землей. Скрытое выходит на поверхность порой неприязненное, злое, порой возвышенное и святое. Чудо становится явью, недостижимое — фактом, и человеческая жизнь сияет новыми красками и новым, более глубоким постижением безобразности и красоты» [5, с. 38–39].

Ценны наблюдения Ильина над психологическими аспектами создания сказочного мира, что темы сказок живут в глубинах человеческого инстинкта, где завязаны узлы национального бытия и национального характера и где они ждут своего художественного освобождения. Лишь «доверчивый и искренний простец, но скромный и храбрый в своей поэтической серьезности созерцатель проникают в эти глубины и выводят оттуда рой народных сказок, разрешающих, свершительных и освобождающих. И для него эти сказки не “выдумка” и не “небылица”, а поэтическое прозрение, сущая реальность и начальная философия. И не сказка “отжила” свой век, если мы разучились жить ею, а мы исказили свой душевно-духовный уклад и мы выветриваемся и отмираем, если мы потеряли доступ к нашей народной сказке» [4, с. 261–262].

Много внимания уделяет Ильин механизмам создания психологической атмосферы волшебного мира сказки, требует от слушателей игры воображения, психологического настроения, запрет слушать и воспринимать сказку дневным сознанием, а только вечером или ночью, в волшебном полумраке, который снимает с вещей их повседневность, когда все получает зыбкий, искаженный и таинственный вид, а также о важной роли присказок, вызывающих у слушателя «сказочную установку».

Ильин, вслед за Б. П. Вышеславцевым, использует методологию Карла Юнга и пространно объясняет, что «сказку надо слушать как

бы сумеречным сознанием, на грани полусна и полубодрствования, когда душа становится беспомощной и детской, когда она готова строго, страстно отдаться в руки надежд и сомнений, когда со сказочными образами она уже не играет, а в них живет, в них раскрывается, воюет, побеждает и ликует. Русские сказители знают об этом превосходно и часто сами выстраивают мост этот переход к сказке-созерцанию, этот выключатель света дневного сознания. Они сказывают сказки голосом глубоким, таинственно-глуховатым, внушительно-интимным, они создают в комнате полумрак, не терпят, чтобы их перебивали, вставляли реплики, возражали. И начинают сказку очень часто с присказки; иногда это рифмованная бессмыслица, иногда неразбериха-путаница, иногда легкий массаж воображения и все это делается для того, чтобы подготовить душу слушателя, вызвать в ней сказочную установку» [5, с. 39].

В русской сказке «поставлены» вековые вопросы и даются философские ответы на них. Ильин подчеркивал, что «вопросы, на которые отвечает русская сказка, всегда касаются главного: национального мироощущения и национальной судьбы. Сказка отвечает нам на самый важный вопрос о смысле жизни, о судьбе человека, тяготах и опасностях, о мудрости земной, об истинности пути» [5, с. 41].

Ильин считал, что ответ русской сказки «приходит не из религии, не из Писания или священного предания церкви (будь это иначе — сказка была бы уже не сказкой, а легендой). Ответ дается из дорелигиозной, *магической глубины*, где инстинкт, художество и опыт жизни скопили не последнюю, а предпоследнюю национально выраженную мудрость. В русских сказках вы не найдете горний мир, Бога, Христа... В них действуют добрые и злые силы, напасти и герои, добродетель и порок, черт комически придурковатый, но никогда Господь. <...> В русской сказке — земная жизнь, земные люди, то добрые, то злые и мощные, как стихия, злые чудовища, с которыми приходится вступать в битву героям. <...> События в сказках разворачиваются на земле как бы до Бога или без Бога: душевный пласт, где рождаются сказки, магичен и дорелигиозен» [5, с. 41].

Объективно работа Ильина «Духовный смысл сказки» определила фольклорный императив отлученного от Родины поколения, культурную миссию сказки для русских людей, волею судеб оказавшихся на чужбине, что можно также рассматривать как своеобразную фольклорную альтернативу русского эмигрантского сообщества.

Кроме того, философские рефлексии Ильина сыграли определенную роль в становлении новой фольклорной поэтики, наполнив ее философским смыслом и терминологическую определенность. Неизбежность появления такой новой поэтики предчувствовал еще в начале XX столетия А. Н. Веселовский. Для отечественной фолькло-

ристики во все времена продолжал оставаться актуальным тезис академика А. Н. Веселовского: «Сравнительно-литературный материал настолько расширился, что требует нового здания, поэтики будущего... Она научит нас, что в унаследованных нами формах поэзии есть нечто закономерное, выработанное общественно-психологическим процессом, что поэзию слова не определить отвлеченным понятием красоты, и она вечно творится в очередном сочетании этих форм с закономерной изменяющимися общественными идеалами» [3, с. 317].

7 июня 1934 г. бывший профессор Московского университета Иван Александрович Ильин, высланный 26 сентября 1922 г. из Советской России в Германию, опубликовал в парижской газете «Возрождение» статью «Духовный смысл сказки», которая представляло собой «Слово, произнесенное на вечере русской сказки в Берлине 3 мая 1934 года» [4, с. 259]. Обращаясь со словами «Государи мои, люди русские!» к немногочисленной аудитории русских эмигрантов, трагически перенесших духовно-нравственную катастрофу, философ утверждал неразрывную связь русской народной сказки с ее «особой необходимостью» в деле грядущего освобождения России: «Ее необходимость иная, душевно-духовная, внутренняя, таинственная. Это необходимость сокровенного помысла, предчувствия и сновидения; и в то же время это необходимость национальной судьбы национального характера и национальной борьбы» [4, с. 264].

По мысли Ивана Ильина, именно русская сказка проясняла скрытый смысл русской истории XX столетия. Обеспокоенный возникшей в эмигрантской среде ситуацией всё более расширяющегося культурного вакуума, массового разочарования в традиционных этнокультурных ценностях, обуславливающих национальную идентичность, Иван Ильин завершает свое «Слово о русской сказке», адресованное оставшимся без России «людям русским», страстным публицистическим призывом: «И мы — томимся ли мы, ищем ли общения с нашим народом, созерцаем ли мы наши русские судьбы, философствуем ли о нашем русском несчастье, или готовим к претрудной и опасной жизни наших русских детей — сядем вослед за Пушкиным под зеленый дуб нашей России, и пусть наш мудрый кот заведет нас свои песни скажет свои сказки!» [4, с. 273].

Эта работа Ильина, как и все его работы, созданные в эмиграции, носила в определенной степени идеологический, а иногда даже пропагандистский характер, ибо страстно призывала к грядущей борьбе за будущую Возрожденную Россию. Особого влияния на отечественную фольклористику того времени эта работа философа Ивана Ильина не оказала, что представляется несправедливым фактом.

Работа, окрашенная ностальгическими тонами, в высшей степени внимательно отнеслась не только к проблемам философского осмыс-

ления русских народных сказок, но и затронула вопросы, связанные с конкретными фольклористическими проблемами. Важную (возможно даже определяющую) роль в развитии фольклористической науки сыграло то обстоятельство, что философ в другой своей работе, посвященной философии сказки, впервые обратил внимание на такой важный аспект философии и фольклористики как метафизическое толкование мотива пути в русских волшебных сказках. И. А. Ильин в своей лекции «Русская душа в своих сказках и легендах», прочитанной в Цюрихе в 1942 г., отмечал следующее:

«Сказка есть своего рода путешествие, паломничество в края дальние, вожделенные, волшебные и мудрые; а тот, кто его предпринимает, приносит оттуда прекрасные дары — не соболя, конечно, и не прекрасную девицу, а целый ворох жизненных впечатлений.

Что манит русского человека в эти страны? Что ищет в сказке он? О чем в ней вопрошает? Что говорит она ему в ответ?

Вопросы, на которые отвечает русская сказка, всегда касаются главного: национального мироощущения и национальной судьбы. Сказка отвечает нам на самый важный вопрос — о смысле жизни, о судьбе человека, тяготах и опасностях, о мудрости земной, об истинности пути. Но человек спрашивает сказку как существо в религиозном смысле беспомощное, Бога не постигшее, но уже коснувшееся Зла и страха жизни и, по-детски испугавшись, ждет более подробных разъяснений от бабушки своей или от няни» [5, с. 4041].

Похоже, что поиски Ильиным утраченного фольклорного императива в непростых условиях эмигрантского существования все-таки увенчались успехом. В своих поздних эмигрантских трудах он выстрадал и обосновал главное кредо русского человека в рассеянье — чтобы иметь право быть и оставаться русским, надо постоянно ощущать свою неразрывную связь с великой русской культурой и с русским фольклором как неотъемлемой его частью. Другими словами, надо просто читать и рассказывать своим детям русские сказки и петь им русские песни.

Этот важный мировоззренческий постулат Ильина, открытый им фольклорный императив был понят и оценен самыми разными слоями русской эмиграции, а вернувшийся на Родину Александр Вертинский даже пропел его в трогательной песенке «Доченьки»:

Много русского солнца и света
Будет в жизни дочурок моих,
И что самое главное — это
То, что Родина будет у них!

Будет дом. Будет много игрушек.
Мы на елку повесим звезду.
Я каких-нибудь добрых старушек
Специально для них заведу.
Чтобы песни им русские пели,
Чтобы сказки ночами плели
Чтобы тихо года шелестели,
Чтобы детства — забыть не могли! [2, с. 222].

Русский двадцатый век предложил великой литературе фольклорную альтернативу преодоления жестокого кризиса русской культуры. Значение фольклорной альтернативы той эпохи огромно и заключалось в том, что она сыграла огромную роль в культурно-историческом осмыслении произошедшей в России культурной катастрофы, в значительной мере обогатила художественную и философскую мысль России, сумела сохранить приоритет общечеловеческих ценностей и одновременно преданность национальным интересам. Фольклорная альтернатива помогла русской литературе сохранить морально-этический баланс в сложном переплетении социально-этических вопросов в кризисную эпоху, когда на нее реально воздействовали взаимоисключающие идейные течения и мировоззренческие установки.

Двадцатый век и вынужденная эмиграция предложили русскому интеллектуальному социуму, лишившемуся в одночасье Родины и оказавшемуся на краю культурной ойкумены, спасительную фольклорную альтернативу преодоления жесткого кризиса русской культуры. Значение фольклорной альтернативы той эпохи огромно и заключалось в том, что она сыграла важную роль в культурно-историческом осмыслении произошедшей в России социально-культурной катастрофы, сумела сохранить приоритет общечеловеческих ценностей и одновременно преданность национальным интересам. Народно-поэтическое творчество русского народа стало осознаваться как новая (фольклорная) альтернатива, которая помогла русской культуре сохранить морально-этический баланс в сложном переплетении социально-этических вопросов в кризисную эпоху, когда на нее реально воздействовали взаимоисключающие идейные течения и мировоззренческие установки.

В трагические годы братоубийственной Гражданской войны в своих «Окаянных днях» И. А. Бунин писал:

«Сколько стихотворцев и прозаиков делают тошнотворным русский язык, беря драгоценные народные сказания, сказки, “слова золотые” и бесстыдно выдавая их за свои, оскверняя их пересказом

на свой лад и своими прибавками, роясь в областных словарях и составляя по ним какую-то похабнейшую в своем архируссизме смесь, на которой никто и никогда на Руси не говорил и которую даже читать невозможно! Как носились в московских и петербургских салонах с разными Клюевыми и Есениными, даже и одевавшимися под странников и добрых молодцев, распевавших в нос о “свечечках” и “речечках” или прикидывавшихся “разудальными головушками”!

Язык ломается, болеет и в народе. Спрашиваю однажды мужика, чем он кормит свою собаку. Отвечает:

— Как чем? Да ничем, ест, что попало: она у меня собака съедобная.

Все это всегда бывало и народный организм все это преодолел бы в другое время. А вот преодолет ли теперь?» [1, с. 123].

Как показал опыт нашей вечной неумирающей литературы, «народный организм» и в этот раз всё это преодолел.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Бунин И. А. Окаянные дни. М.: Сов. писатель, 1990. 176 с.
- 2 Вертинский А. Н. За кулисами. Сборник. М.: Сов. фонд культуры, 1991. 304 с.
- 3 Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л.: Худож. лит. 1940. 648 с.
- 4 Ильин И. А. Духовный смысл сказки // Ильин И. А. Собр. соч.: в 10 т. М.: Русская книга, 1996. Т. 6. Кн. II. 672 с.
- 5 Ильин И. А. Русская душа в своих сказках и легендах // Ильин И. А. Собр. соч.: в 10 т. М.: Русская книга, 1997. Т. 6. Кн. III. 560 с.
- 6 Налетин А. Л. В. В. Розанов и народная культура // Контекст-1992. Литературно-теоретические исследования. М.: ИМЛИ, 1993. С. 101–126.
- 7 Налетин А. Л. Два века русского фольклора: Опыт и сравнительное освещение подходов в фольклористике России, Великобритании и США в XIX–XX столетиях. М.: ИМЛИ, 2009. 504 с.
- 8 Розанов В. В. Собр. соч. М.: Республика, 1994. Т. 2: Мимолетное. 542 с.
- 9 Хренов Н. А. Публика в истории культуры. Феномен публики в ракурсе психологии масс. М.: Аграф, 2007. 496 с.
- 10 Шмелев И. С. Душа России. Сборник статей от 1924–1950 гг. СПб.: Библиополис, 1998. 240 с.

REFERENCES

- 1 Bunin I. A. *Okajannye dni* [Cursed days]. Moscow, Sovetskij pisatel' Publ., 1990. 176 p. (In Russ.)
- 2 Vertinskij A. N. *Za kulisami. Sbornik* [Behind the scenes. Col.]. Moscow, Sovetskij fond kul'tury Publ., 1991. 304 p. (In Russ.)
- 3 Veselovskij A. N. *Istoricheskaja pojetika*. [Historical poetics]. Leningrad, Hudozhestvennaja literature Publ., 1940. 648 p. (In Russ.)

4 Il'in I. A. Duhovnyj smysl skazki. Il'in I. A. *Sobranie sochinenij: v 10 t.* [Spiritual meaning of the fairy tale. Col. of works: in 10 vols.]. Moscow, Russkaja kniga Publ., 1996. Vol. 6, book II. 672 p. (In Russ.)

5 Il'in I. A. Russkaja dusha v svoih skazkah i legendah. Il'in I. A. *Sobranie sochinenij v desjati tomah.* [Russian soul in its fairy tales and legends. Col. of works: in 10 vols.]. Moscow, Russkaja kniga Publ., 1997. Vol. 6, book III. 560 p. (In Russ.)

6 Nalepin A. L. V. V. *Rožanov i narodnaja kul'tura* [Rožanov and folk culture]. *Kontekst-1992. Literaturno-teoreticheskie issledovanija* [Studies in literary theory]. Moscow, 1993, pp. 101–126. (In Russ.)

7 Nalepin A. L. *Dva veka russkogo fol'klora: Opyt i sravnitel'noe osveshhenie podhodov v fol'kloristike Rossii, Velikobitanii i SShA v XIX–XX stoletijah.* [Two centuries of Russian folklore: comparative study of approaches in Russian, British, and US folklore studies of the 19th–20th Centuries]. Moscow, IMLI Publ., 2009. 504 p. (In Russ.)

8 Rožanov V. V. *Sobranie sochinenij* [Col. of works]. Moscow, Respublika Publ., 1994. Vol. 2: Mimoletnoe [Vol. 2: Transient]. 542 p. (In Russ.)

9 Hrenov N. A. *Publika v istorii kul'tury. Fenomen publiki v raketse psihologii mass.* [Audience in the history of culture. Phenomenon of the audience in the context of mass psychology]. Moscow, Agraf Publ., 2007. 496 p. (In Russ.)

10 Shmelev I. S. *Dusha Rossii. Sbornik statej ot 1924–1950 gg.* [The soul of Russia. Col. of essays, 1924–1950]. St. Petersburg, Bibliopolis Publ., 1998. 240 p. (In Russ.)